

Секция «Востоковедение, африканистика»

**Трансформация турецкого национализма во второй половине XX в.:
поиски новой идентичности**

Шлыков Павел Вячеславович

Кандидат наук

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт
стран Азии и Африки, Москва, Россия*

E-mail: shlykov@mail.ru

Государственный национализм, формируемый кемалистами, не признавал каких-либо альтернативных трактовок. Но при этом само по себе кемалистское государство, несмотря на серьезную идеологическую работу с населением через органы центральной и местной власти, жесткую однопартийную политическую систему, не было тоталитарным подобно гитлеровской Германии и сталинскому Советскому Союзу. В нем не практиковался столь же всепроникающий тотальный контроль над обществом. Но главное, новая идеология принималась и поддерживалась лишь в городских центрах, образованной частью населения, нередко близкой к политической элите, и при этом практически не распространялась среди масс простого, прежде всего сельского, населения (причем это положение сохранялось вплоть до 1950-х гг.).

Периферия кемалистской Турции продолжала жить в рамках традиционного, религиозно-консервативного уклада. Особенно сильно контраст центра и периферии ощущался в горных районах Юго-Восточной Анатолии, где доминировали курды и куда порой не доходили даже обрывочные новости о радикальных переменах внутри страны. Незначительная глубина проникновения кемалистского государства внутрь традиционной «вековой» Турции создавала условия для существования большей части населения страны вне каких-либо новых идеологий.

Когда в конце 1940-х гг. однопартийный режим кемалистской НРП был разрушен и в 1950-х гг. появилась возможность демократической политической конкуренции и борьбы исламская идентичность и исламские ценности, казалось бы окончательно задушенные кемалистскими реформами, стали возрождаться и с каждым годом проявляться все ярственнее. И для победы на выборах политики вынуждены были считаться с этим явлением.

Устоявшаяся модель поведения кемалистской элиты, выражавшаяся в игнорировании исламского фактора и религиозных чувств населения, навязывании обществу своих культурных кодов, стала давать сбой и, в конце концов, оказалась малоэффективной. В то же время волны массовых миграций из сельских районов в города и культурные центры резко изменили прежнюю среду распространения кемалистской идеологии. Создавалась ситуация «перекрестного опыления», когда, с одной стороны, консервативная часть турецкого общества оказывалась под прямым воздействием кемалистской идеологии и начинала пропускать через себя основные ее принципы и постулаты (национализм, лаицизм и т. д.), с другой – городская секуляризованная культура, опора кемалистского режима, попадала под воздействие и обаяние традиционных ценностей суннитского ислама.

В результате, начиная с 1950-х гг. ислам стал не только возвращаться в общественную жизнь Турции, но начал интегрироваться в государственную националистическую

идеологию. Со всей очевидностью этот процесс проявил себя после военного переворота 12 сентября 1980 г. Предшествующее ему десятилетие прошло под знаком роста радикализма и экстремизма, систематических уличных столкновений. Военная элита, несмотря на свою традиционную роль бастиона «ортодоксального» кемализма и ярого защитника нерушимости принципов Ататюрка, стала рассматривать ислам как фактор социальной стабильности и общественного единения. Поэтому постепенно исламские ценности перестали маргинализироваться, а ислам стал, по сути, рассматриваться как некая надстройка кемалистской идеологии и кемалистских принципов, использоваться как опора турецкого национализма, а отнюдь не его антагонизм.

Подобная политика в определенной степени перекликалась с той, что в свое время проводил Абдулхамид II по отношению к исламу в конце XIX в., и стала прологом т. н. тюрко-исламского синтеза – религиозно-националистической идеологии, получившей статус государственной в конце 1980-х гг. с приходом к власти правоцентристской оппозиции в лице Тургута Озала. В конечном итоге, это привело к появлению влиятельного движения политического ислама, возглавил которое Неджметтин Эрбакан, ставший в 1997 г. первым в истории Турции премьер-министром с открыто происламскими взглядами и ответствующей внутри- и внешнеполитической программой, а затем и установлению в 2002 г. ныне правящего режима умеренно исламистской Партии справедливости и развития Реджепа Эрдогана.

Идеология же турецкого национализма к концу XX столетия оказалась раздробленной, и сейчас в Турции можно наблюдать соревнование конкурирующих национальных проектов, которые перманентно находятся в состоянии колебательной конфронтации. Два наиболее очевидных и, пожалуй, главных изъяна кемалистского национализма – попытка исключить ислам из числа факторов формирования национальной идентичности и отказ признать этноконфессиональную инаковость (шире – автономию) курдов – с 1980-х гг. формируют основные линии напряжения национального вопроса в Турции и внутривнутриполитической стабильности в целом. Как идеология кемалистский национализм, с одной стороны, сохраняет свою неприкосновенность как великое наследие Ататюрка, но с другой, его трактовки становятся более расплывчатыми и он все больше сдает позиции и сокращает социальную базу своей поддержки. Не последнюю роль в этом играет и снижение влияния военной и в целом кемалистской элиты, с каждым годом сдающей свои позиции сторонникам умеренных исламистов из Партии справедливости и развития (или консервативным демократам, как они сами себя именуют), которые перехватили инициативу в проведении модернизации Турецкого государства и общества. Исламская идентичность, наоборот, обретает все больший вес и значение, активно поддерживается правящим режимом (показательна в этом отношении активность Турции в международных исламских организациях – ОИК, Большая восьмерка мусульманских стран (M8) и т. д.), но по-прежнему остается в положении надстройки светского национализма. Но наименьшим ресурсом влияния обладает этнический ультранационализм – в форме нового издания панисламизма, которых остается сугубо периферийным явлением и не в состоянии как-либо серьезно воздействовать на общественно-политическую жизнь.